

УДК 070 + 316.452

«Неназванное не существует»: пригород в дискурсе региональных СМИ*

К. В. Григоричев, Ю. Н. Пинигина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье исследуется динамика образа пригородного пространства Иркутской агломерации в 2007–2012 гг. в дискурсе региональных печатных изданий. Авторы приходят к выводу о том, что отсутствие пригородной проблематики в региональных СМИ является инструментом дискурсивного реконструирования линейной границы между городом и селом, исчезающей в результате нового характера развития пригорода.

Ключевые слова: пригород, образ, дискурс, газеты, Иркутск.

Стремительное развитие пригородов Иркутска, масштабность и разносторонность этого процесса сформировали в ареале Иркутской агломерации обширный пояс субурбанизированного пространства, нетипичного для восточносибирских регионов. В течение одного десятилетия на периферии областного центра, за счет интенсивного оттока горожан на постоянное жительство на территорию трех ближайших к областному центру сельских районов, сложился комплекс пригородных поселений, численность жителей которого составляет уже не менее 80–85 тыс. человек. Основная часть этого населения, постоянно проживая в сельских по административному статусу населенных пунктах, имеют устойчивые связи с городом через трудовую деятельность, систему социальных связей, общее культурное пространство. Маргинальность, пограничность этого сообщества обуславливает формирование здесь специфического комплекса практик, ориентированных на взаимодействие с городским и сельским пространством по новой, не свойственной ни одному из них, модели [6; 8].

Пригород, формируясь за счет трансформации сельского пространства, неизбежно воздействует и на характер развития города. В физическом пространстве это проявляется в преобразовании городских окраин, связанном с появлением новых функций обслуживания транспортных и иных пригородных потоков. Масштабы спроса на землю за городом позволяют предполагать и более глубинные трансформации в городском пространстве: изменение системы представлений о престижности, смену символических ценностей и признаков

* Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Соглашения № 14.В37.21.0495, № 14.В37.21.0012, № 14.В37.21.0258.

статусов, что в свою очередь стимулирует дальнейшие изменения на рынках жилья, труда и т. д. Иными словами, пригород как новая сущность уже довольно прочно вошел в повседневность города и значительной части его горожан.

Естественным продолжением развития пригорода как нового (и онтологически, и типологически) пространства должно стать включение его в дискурсивное пространство. Важнейшая роль в этом, безусловно, принадлежит региональным СМИ. Через описание пригорода, формулировку его признаков, выработку палитры соответствующих тем и лексем они формируют тот образ нового пространства, через который выстраивается отношение к новому явлению со стороны сообщества, власти и иных институтов. Одновременно в СМИ артикулируется понимание этого процесса сообществом и властными институтами (в официальных изданиях).

Наши исследовательские задачи связаны с определением степени проникновения пригородных сюжетов на страницы региональных газет, круга тем и информационных поводов, в связи с которыми пригород и его жители появляются в прессе Иркутска. Какими словами и в каком эмоциональном контексте пишут местные газеты о пригороде; какие оценочные (прямые или контекстуальные) суждения появляются в газетных материалах в отношении развития пригородного пространства и его сообщества; как сопоставляются дискурсы официальных и частных газет, что позволит говорить о разности представлений о развитии пригорода местного сообщества и местной власти. Последняя задача представляется тем более актуальной, что в практике повседневного взаимодействия существенно расходятся интересы не только сообщества и власти, но и различных структур и уровней «власти» как института [5].

Источники и методика

Для анализа были взяты региональные и городские газеты различных типов и характеров. Отсутствие актуальных и релевантных задач нашей статьи исследований популярности СМИ определило обращение для отбора к нескольким рейтингам региональных медиа, составившихся различными авторами/организациями для Иркутска и Иркутской области. Контрольным срезом в определении круга СМИ для анализа нашей проблематики стали публикации в научных изданиях, связанных с исследованием роли медиа в близких по проблематике социальных процессах (прежде всего миграции и взаимодействия мигрантов и местных сообществ).

Анализируя отражение трудовой деятельности китайских мигрантов в иркутских газетах, М. Ковальская выделяет четыре городские газеты, пользующие наибольшим доверием среди горожан. К их числу отнесены 3 газеты издательского дома «СМ Номер один»: «Пятница» (лидер по результатам исследования), «СМ Номер один» и «Копейка». Второе место по степени доверия опрошенная аудитория отдала газете «Аргументы и факты в Восточной Сибири» [10, с. 263]. Эта газета, однако, не используется автором при анализе. Аргументация относительно выбора данных газет опирается не только на степень доверия, выявленную в результате исследования, но также на широту их аудитории. Последняя определяется не только их тиражностью, достаточно заметной для региона, но и спецификой позиционирования этих изданий:

городской таблоиды с отчетливым «желтым форматом», газеты «для читателя различного возраста», учитывающей «интересы всех слоев населения» [10, с. 263]. Иными словами, три этих издания представляют собой массовые городские газеты, в поле зрения которых попадают все более или менее значимые для городского сообщества вопросы.

К сожалению, упомянутое выше исследование не имело продолжения, и данные о доверии региональным газетам, на которые опирается М. Ковальская, касаются лишь середины рассматриваемого нами периода. Для того чтобы определить издания, релевантные для всего хронологического среза, представляется необходимым выявить газеты, значимые для региональной аудитории как на начало, так и на завершение периода. К сожалению, обнаружить какой-либо продолжающийся мониторинг региональных СМИ нам не удалось. В связи с этим были использованы рейтинги региональных изданий, составлявшиеся разными организациями и по разным критериям, но в конечном итоге претендующие на определение места той или иной газеты/журнала в спектре региональных изданий.

Для периода с декабря 2006 г. по октябрь 2007 г. был использован рейтинг СМИ – Пресса, составленный TNS Россия в рамках исследования «National Readership Survey». В основу методики составления рейтинга положена оценка численности аудитории издания [49]. В число проиндексированных еженедельных изданий по данному обследованию были включены лишь две иркутские газеты: «Комсомольская правда» и «Восточно-Сибирская правда». Десятка ведущих еженедельников, по результатам данного исследования, включает следующие издания, содержащие тексты информационно-аналитического характера (в скобках – место в данном рейтинге): «Аргументы и факты» (3), «Комсомольская правда» («толстушка») (4), «Пятница» (5), «Копейка» (9).

Для верхней хронологической границы нами использован рейтинг региональных СМИ, составленный по Иркутской области информационно-аналитической компанией «Медиалогия» [19]. Рейтинг составлен на основе индекса цитирования, рассчитанного как количество ссылок на источник информации в других СМИ и влияние источника, опубликовавшего ссылку. Под «влиятельностью» в методике понимается «рекурсивно рассчитываемый показатель, отражающий усредненное за год количество и качество ссылок на источник» [20]. В двадцатку лидеров региональных СМИ из числа упоминавшихся в 2006–2007 и в 2009 г. вошли газеты «Восточно-Сибирская правда», «Комсомольская правда», «СМ Номер один» и «Аргументы и факты».

Принимая во внимание всю сложность сопоставления рейтингов, составленных разными авторами и по различным методикам, мы, однако, считаем возможным признать, что названные четыре издания в целом отражают спектр неофициальных региональных печатных СМИ, публикующих не только новостные и/или развлекательные материалы. В этом списке оказываются две массовые ежедневные газеты и две – еженедельные, публикующие более объемные тексты. Две из них («Комсомольская правда» и «СМ Номер один») по характеру ближе к «желтому формату», две другие – пре-

тендуют на статус «качественной прессы». В совокупности названные газеты позволяют более или менее полно выделить и проанализировать риторику неофициальных СМИ по проблеме развития пригородов.

Однако ограничиться лишь указанным перечнем региональных изданий нам представляется не верным. С одной стороны, указанные издания не отражают видения или, по крайней мере, наличия каких-либо представлений о проблеме со стороны региональной и городской администрации – «власти». Поскольку оппозиция «власть versus сообщество» остается одной из существенных характеристик региональной ситуации, изучение дискурса официальных региональных газет представляется вполне оправданным и необходимым. К числу наиболее массовых и узнаваемых подобных изданий в Иркутске, безусловно, относятся газеты «Областная» и «Иркутск». Первая из них учреждена Правительством и Законодательным собранием Иркутской области и выходит три раза в неделю тиражом 5400 экземпляров, распространяется как по подписке, так и в свободной продаже [34]. Газета имеет сайт, представляющий не только полную электронную версию печатного издания, но и широкий спектр дополнительных материалов. «Областная» во много продолжает традиции советских региональных изданий, транслируя позицию региональной власти, «официальный курс» и не менее «официальное мнение».

Газета «Иркутск» является официальным изданием городской администрации, выходит заявленным тиражом 15 тыс. экземпляров и распространяется через подписку и свободную продажу. Миссия газеты не обозначается ни в печатном варианте, ни на сайте администрации города, где размещаются электронные копии газеты с начала 2012 г. Однако подбор содержания и способ подачи материалов, язык позволяют судить о газете как об официальном издании, претендующем на охват аудитории более широкой, нежели той, которой чтение (или, по крайней мере, просмотр) этого издания положен «по долгу службы».

В нашем анализе были использованы номера газет, вышедшие в течение 2007 г. и 2012 г. Выбор 2007 г. как даты первого среза определяется тем, что интенсивный рост пригородной зоны Иркутска начинается в первой половине 2000-х и становится заметным (и по данным статистики, и по визуальным наблюдениям) к 2007–2008 гг. В это же время пригородные («межгородские») территории попадают в поле зрения региональной власти через разработку концепции развития Иркутской агломерации [46]. Логично предположить, что в этот период проблема развития пригородов должна была так или иначе попасть на страницы иркутских газет: отчасти как отражение представления сообщества о новом феномене, отчасти как инструмент формирования такого представления. К 2012 г. масштабы пригородного расселения стали не просто заметными, но сопоставимыми с городами агломерации (численность населения Иркутского района на начало 2012 г. составила 89,9 тыс. человек [48], из которых в пригородных поселениях проживает не менее 90 %. Для сравнения: численность постоянных жителей входящих в Иркутскую агломерацию городов Шелехов и Ангарск 53 тыс. и 240 тыс. человек соответственно [48]). К этому времени на территории пригородных муниципальных образований начинают реализовываться крупные проекты ведущих региональных

строительных компаний, связанные, в том числе, с предоставлением жилья различным категориям льготников и переселенцев. Можно предположить, что к этому времени пригород мог занять на страницах региональных газет заметно большее место, нежели в 2007 г.

Основным методом анализа, в соответствии с исследовательскими задачами, стал дискурс-анализ, связанный с определением основных образов и стереотипов, используемых в описании пригородного пространства. Анализ всех текстов проводился с учетом контекста региональной жизни тех хронологических срезов, к которым относятся взятые издания. На начальном этапе применялись и элементы контент-анализа для выделения основных сюжетов, характеристик и речевых маркеров в описании пригорода. В качестве последних использованы слова: пригород, пригородные поселки, дачные поселки, коттеджи, загородное жилье, агломерация, а также названия наиболее крупных пригородных населенных пунктов.

Всего было изучено 677 выпусков газет за 2007 г. и 645 за 2012 г.

«СМ Номер один». Всего были проанализированы 51 номер за 2007 г. и 52 номера за 2012 г. Прямого упоминания о новом характере развития пригорода, появлении в нем нового населения, и, возможно, каких-либо новых перспектив развития в этих публикациях нет. Более того, наблюдается заметное снижение в 2012 г. интереса к пригородному пространству. Если среди публикаций «СМ Номер один» за 2007 г. выявлено 23 текста, так или иначе затрагивающих пригородную проблематику (учтены и тексты, в которых пригород затрагивался лишь в одном из фрагментов), то в 2012 г. – лишь 12 подобных материалов.

Среди материалов «Восточно-Сибирской правды» (проанализировано 172 номера за 2007 г. и 148 номеров за 2012 г.) в 2007 г. пригородному пространству были посвящены лишь 5, из которых 4 касались садоводческих товариществ. В 2012 г. вышло 12 материалов, сюжеты которых так или иначе были связаны с пространством пригорода. Однако ни в том, ни в другом году сюжеты нового характера развития иркутских пригородов центральной темой публикаций не стали и в «Восточке».

В «АиФ в Восточной Сибири» проанализировано 52 номера за 2007 г. и 52 номера за 2012 г., в которых обнаружено лишь соответственно 9 и 3 публикации, связанные с пригородом. Основное количество выявленных статей касаются пригородных территорий, так или иначе включенных в сюжеты агломерации или развития аграрной экономики Иркутского района и области в целом. Специально перспективному развитию пригородов посвящена лишь одна статья, освещающая планы крупных застройщиков по «регулярной» застройке примыкающих к городу территорий.

«Комсомольская правда – Иркутск». Проанализировано 194 номера за 2007 г. и 197 номеров за 2012 г. Среди публикаций 2007 г. выделено 24 материала, связанных с пригородными территориями, в публикациях 2012 г. – 16 таких статей. Центральными сюжетами были проблемы упадка сельского хозяйства в Иркутско-сельском районе, агломерация и инфраструктурные (комму-

нальные) проблемы отдельных пригородных поселений, а для 2007 г. к этому списку стоит добавить предвыборную борьбу за должность мэра района.

Анализ дискурса официальных печатных СМИ строился на изучении материалов газет «Областная» и «Иркутск». Всего за 2007 г. и 2012 г. были проанализированы тексты соответственно 152 и 146 номеров «Областной» и 50 и 46 выпусков «Иркутска». Среди публикаций «Областной» выделено 15 статей за 2007 г. и 8 – за 2012 г. Среди материалов газеты «Иркутск» за 2012 г. не найдено ни одного, касающегося пригородной проблематики, а в публикациях 2007 г. – лишь 1 текст.

Небольшое количество выявленных публикаций по «пригородной» тематике позволяет говорить о невысоком интересе печатных СМИ к данной теме. Сокращение числа публикаций во втором хронологическом срезе (2012 г.) указывает, что бурное развитие нового для региона феномена внимание региональных газет привлекает слабо и рассматривается, скорее, через призму привычных авторам и читателям сюжетов.

Кризис «крестьянского района» и «перспективы мегаполиса»: пригород в дискурсе газет 2007 г.

Публикации из нижнего хронологического среза в частных газетах связаны преимущественно с двумя ключевыми событиями в жизни областного центра и прилегающего к нему района. Прежде всего это скандальные выборы мэра Иркутского района, освещавшиеся на страницах газеты с позиций обвинений уходящего мэра (С. Зубарев) в коррупции и «развале» района и, с другой стороны, через противопоставление сложившемуся положению программы кандидата на эту должность И. Наумова (сохраняет пост мэра района до настоящего времени). В обоих случаях положение в районе показывается через призму упадка, даже разрушения традиционной аграрной экономики. При этом среди причин складывания такого положения наряду с преступной халатностью, небрежностью и коррупционностью руководства района упоминается разбазаривание земель [15–17].

Показательна в этом смысле статья «Медвежья услуга» [40; этот же текст в «Комсомольской правде» – 18], критикующая поддержку местным отделением «Единой России» прежнего мэра района Зубарева. Во вводной части текста, описывающей «катастрофическое» положение в районе, в одном ряду перечисляются такие признаки катастрофы: «прежние *сельскохозяйственные гиганты лежат в руинах*», «*колхозы-миллионеры – разорились*», «*фермеры не могут получить землю*», на которой выросли целые «*китайские агрогородки*», «*земли сельхозназначения застраиваются коттеджными поселками*». Как видно, появление нового типа освоения пригорода (как жилого района) не просто вписывается в негативный контекст, но и показывается как явление, рядоположенное с наиболее страшными для сельского (крестьянского) сообщества – разорением основы аграрного производства и лишением земли (в том числе через «порчу» ее китайскими арендаторами). Еще больший негатив достигается через вписывание «коттеджных поселков» в общий контекст ностальгии по советскому («колхозы-миллионеры»), противопоставлению счастливому прошлому. Иными словами, освоение пригорода го-

рожанами предстает здесь если не причиной, то одним из признаков масштабного кризиса района и контекстуально получает негативную окраску.

Этот эффект усиливается через публикацию уже не аналитического материала, но «личного видения» коренного жителя района, вышедшей в «СМ Номер один» спустя неполный месяц [43]. Построенная как интервью, статья вплетает приведенные выше выводы в ткань живых воспоминаний человека, прожившего всю жизнь в пригородном селе, придает аналитическим построениям эмоциональную окраску, а их «объективную» оценку дополняет «жизненным опытом», «мудростью лет» – эти эпитеты в различных вариантах используются для характеристики собеседника уже во вводной части статьи. В интервью новые жители района ассоциируются с бедственным положением в селе, противопоставляются «местным», «колхозникам»: «Районом довольны в основном дачники и владельцы комфортабельных коттеджей. <...> Местные – на задворках жизни»; «Городские сплошь да рядом строят коттеджи, а у колхозников дома старые догнивают».

Выстраивается довольно четкая ассоциация: «городские» довольны положением в районе, а следовательно, их присутствие связано с кризисной, даже катастрофичной ситуацией. Обвинение же уходящего мэра в коррупции придает этому криминальный контекст. И хотя прямого указания на участие «горожан» в коррупционных схемах ни в одном из проанализированных текстов нет, эта группа косвенно вписывается в противозаконные схемы.

Однако позднее в «СМ Номер один» публикуется статья, уже прямо описывающая освоение горожанами пригородных территорий в жанре криминального репортажа. Один из октябрьских номеров [41] выходит с броским заголовком на первой полосе: «Под Иркутском нелегально строится целый поселок». Формулировка заголовка сразу отсылает, во-первых, к криминальности («нелегально») появления в пригороде поселков, а во-вторых, формулирует масштабность этого противозаконного действия («целый поселок»). Описывая конкретный случай спекуляцией землей (продажа земель сельскохозяйственного назначения под застройку), газета лишь кратко упоминает о сути описываемого процесса и сосредоточивается на эмоциональных оценках событий и его участников.

В этом материале впервые появляется личность, прямо причастная к формированию жилых поселков в пригороде. Автор текста не указывает на происхождение «героя» статьи (является ли он местным жителем или приезжим из Иркутска, или из-за пределов региона), но представляет его как захватчика, самоуправно распоряжающегося на чужой территории, не считающегося ни с моральными, не с правовыми нормами. Квинтэссенцией характеристики этого персонажа являются приписываемые (авторство не подтверждено) ему слова: «Где хочу, там и строю, как хочу, так и называю!». Реплика сопровождается фотографией, отчетливо отсылающей к жанру «Их разыскивает милиция». Дополнительную эмоциональную остроту материалу добавляют фразы, набранные крупным шрифтом: «Вместо домов строятся декорации», «Земли несуществующего поселка расходятся на ура».

Приведенный материал не просто помещает сюжет освоения пригорода горожанами в негативный, даже криминальный контекст, но подспудно погружает читателя в атмосферу «лихих девяностых». В этом смысле удачным сочетанием становится определение поселений горожан как «коттеджных поселков», отчетливо соотносящихся с «коттеджами новых русских» и ассоциируемых не только в массовом сознании, но и в научных публикациях с престижным потреблением этой специфической группы [21, с. 35–36], определяемой в массовом сознании как априорно криминальной. Как следствие, освоение горожанами пригорода выступает элементом не развития, но кризиса. Элементом с криминальной окраской и отчетливым привкусом возвращения к «хаосу девяностых», подспудно противопоставляемым не только советскому «золотому веку», но и возможностям традиционного аграрного развития района в современных условиях.

Важно подчеркнуть последний аспект: во всех без исключения текстах 2007 г. Иркутский район подается как типичный образец сельского пространства. Упомянутые выше материалы характеризуют кризис района через катастрофичное положение именно сельских производителей («сельхозгиганты», «колхозы», «фермеры»), что выстраивает устойчивое восприятие его территории как сельского пространства. В предвыборных материалах И. Наумова, формирующих представление о перспективных направлениях развития, о выходе из кризиса, речь также идет о преимущественно сельскохозяйственном развитии района. Более того, часть текстов отсылает не просто к сельскому миру, но к «исконным» традициям «коренного» населения [43]. Хорошо связывается с подобным традиционализмом и тема оформления права на земельные паи бывшими колхозниками [2].

В результате формируется узнаваемый образ традиционного сельского района, главная задача в развитии которого состоит в том, чтобы «сохранить крестьянство, умножить его» [43]. Возникающее пригородное пространство со специфическим развитием, притоком «некоренного» населения практически не появляется в текстах. Появление «некрестьянских» групп из-за пределов района подается как случайный элемент, связанный с кризисным положением района, а приобретение ими земли – как угроза. Формируется такой взгляд, в том числе и через вопросы к «власти»: «Ходят слухи, что земельные участки скупают москвичи. <...> Что делается, чтоб сохранить землю? – Скупают землю, как правило, для жилищного строительства <...> мы постараемся остановить этот процесс» [39]. Примечательна эксплуатация образа «москвича» – абстрактной группы, априорно недружественной коренному населению, преследующей некие корыстные интересы. Новые жители пригорода деперсонифицируются, показываются обобщенно, даже как атрибут кризиса района.

Деперсонифицированным пространством предстает пригород и в публикациях по еще одной центральной теме 2007 г. – проекту развития Иркутской агломерации. Проект развития агломерации Иркутска, Ангарска и Шелехова с включением в нее «межгородских территорий» Иркутского района активно начал разрабатываться с 2006 г. при поддержке губернатора Иркутской области А. Тишанина. Довольно быстро в дискурсе СМИ он превратился в

идею создания города-миллионника, объединяющего в своих административных границах все три города и прилегающие территории Иркутского, Ангарского и Шелеховского районов. Очевидным образом, в границы агломерации попадало большинство поселений, расположенных вблизи Иркутска, где началось формирование пригородной зоны. В течение всего 2007 г. в анализируемых газетах было опубликовано несколько десятков статей, так или иначе связанных с «проектом Иркутской агломерации». Не останавливаясь здесь на роли, отводившейся в нем пригородным поселениям, остановимся на образах этого пространства, которые формировались в публикациях.

Прежде всего, бросается в глаза отсутствие в публикациях самого термина «пригород». Для описания пригородного пространства используются самые разные эвфемизмы: «межгородские территории», «территория, прилегающая к областному центру», «поселения, входящие в зону влияния областного центра» и т. д. Иными словами, газета не вводит самого понятия «пригород», рассматривая его как часть сельского района, которая волей судеб оказывается включенной в некий «городской» проект. Характерна в этом смысле фраза в одной из публикаций «СМ Номер один», связанной с предвыборной борьбой за пост мэра Иркутского района: «Иркутскому району, хочется или нет, придется участвовать в строительстве мегаполиса» [40]. Прослеживается отчетливая связь с образом единого сельского района, формировавшимся в блоке «предвыборных» публикаций.

В описании принципов и механизмов включения пригорода в состав агломерации практически во всех текстах используются понятия «точек роста» и «каркаса». Важно, что под точками понимается не столько географическая локация, сколько сфера деятельности, например индустрия туризма. «Каркас» же в большинстве случаев используется для описания транспортной инфраструктуры, «скрепляющей» агломерацию. Следствием такого описания становится образ слабоосвоенной, малосвязанной между собой территории, с небольшим количеством населенных пунктов. Последние при описании контуров будущей агломерации оказываются рядоположенными с такими природными объектами, как лесные массивы и иные объекты ландшафта. Главное же – в текстах об агломерации практически отсутствует человек – житель этих территорий. Ни одной живой фигуры («коренного», «приезжего») или группы («местные жители», «дачники») здесь не присутствует. Пригород, таким образом, оказывается не только слабоосвоенной («пустой») территорией, но еще и практически не заселенным пространством, немногочисленные обитатели которого в перспективе растворятся в абстрактном «населении города-миллионника».

Иными словами, в дискурсе частных газет этого периода пригорода как пространства, более или менее выделяющегося из огромного сельского района, фактически нет. Приметы его особого развития (освоение горожанами) вписываются в логику кризиса с криминальным оттенком, где приезжие выступают абстрактной группой чужаков, вольно или невольно разрушающих традиционный («правильный») уклад жизни местного сообщества («крестьянства»). Эта абстрактная группа («горожане», «москвичи») оказывается лишь временным

явлением, малозначимым образованием в социальном пространстве сельского района, но даже не болезнью, а лишь одним из ее симптомов.

Пригородная проблематика в материалах официальных печатных СМИ освещается крайне скупо. Газета «Иркутск» в течение всего 2007 г. опубликовала лишь один материал о развитии агломерации [9]. Короткий абзац, посвященный планам застройки микрорайона «Спутник» на юго-восточной окраине Иркутска, включен в большой текст, описывающий перспективные планы застройки областного центра, и воспринимается в их ряду как собственно городской проект, не имеющий отношения к пространству пригорода. Этому способствует и отсутствие в тексте ясной территориальной привязки планируемого микрорайона. Иными словами, единственное упоминание перспективного пригородного объекта здесь вписано в городское пространство.

Чуть больше внимания развитию пригородных территорий уделяет «Областная». Центральным сюжетом здесь является проект развития агломерации, инициированный и продвигавшийся в 2007 г. губернатором А. Тишаниным. Не останавливаясь на описании информационных поводов, по которым публиковались короткие заметки и развернутые тексты на эту тему, остановимся на том, как, какими словами представляется официальное видение (большая часть текстов подготовлена пресс-службой губернатора) развития агломерации и входящих в нее внегородских территорий.

Первая и, наверное, важнейшая характеристика представления агломерационного проекта на страницах «Областной» – это использование почти исключительно «городской» терминологии. Агломерация описывается исключительно как скоординированное развитие входящих в нее городов, тогда как обширные территории на их периферии предстают пустым пространством. Подобная тональность задается через, прежде всего, подзаголовки статей: «Что готовит нам агломерация? И как готовятся к ней города Ангарск, Шелехов и Иркутск» [23], «Как объединить города» [26] и т. п. Нет ни одного упоминания о территории пригородов, которые по умолчанию входят в «будущую агломерацию».

Отсутствуют пригородные муниципалитеты даже в статье, посвященной непростой дискуссии о правовом статусе агломерации – одном из самых сложных в комплексе проблем создания единого пространства. В материале под характерным заголовком «Муниципалитеты тянут одеяла на себя» [24] вообще не упоминается участие представителей пригородных районов во встрече. Представляется, что такой «перекос» – следствие не злого умысла, но проявление представлений о характере описываемого пространства. В этом смысле показательна косвенная характеристика внегородских территорий, данная в одном из материалов о перспективах агломерации: «Между Иркутском, Ангарском и Шелеховым – огромные пространства» [28]. Пригороды предстают здесь пустой, неосвоенной территорией, открытой для даже не экспансии, но роста городов. Редкие «очаги» жизни описываются в «агломерационных» публикациях через использование сельских лексем, представляющих пригородные территории «спящей» деревенской глубинкой: «огромные поля», «бабушка, продающая метлы», «мужчина рубит дрова» и т. д.

Подобное описание пригородных территорий хорошо коррелирует со взглядом на их аграрный характер, формируемый в публикациях в жанре «рабочие будни губернатора». Здесь описание прилегающего к городу Иркутского района дается на удивление близко к текстам частных СМИ. Через призму «губернаторского внимания» пригородное пространство показывается как территория возрождающейся деревни, что задается уже заголовками статей: «На месте руин строятся фермы» [27], «Деревня развитого капитализма» [31]. Появление горожан подается исключительно как проблема, признак «неправильного пути» и описывается через противопоставление «местным» как в подзаголовках, так и в цитатах: «Дворцы и хижины», «У нас только богатые процветают, а мы чахнем». Последняя цитата раскрывается через авторское пояснение «сюда едут люди зажиточные», придавая переезжающей из города группе обобщенно-негативную характеристику.

Негативную коннотацию миграции из города в пригород формируют и интервью с руководством района, в которых приток горожан и неурегулированный правовой статус застроенной земли определяются как «наша болевая точка» [32]. Примечательна компоновка полосы газеты, на которой размещен указанный материал. Сразу под ним идет небольшая статья о проблемах фермерских хозяйств Иркутского района под броским заголовком «Землю – крестьянам». Проблема застройки земель сельхозназначения здесь даже не упоминается, но взаимное расположение двух материалов задает негативное восприятие «стихийного» освоения горожанами пригородных территорий.

Пригород в дискурсе официальных газет оказывается растворен либо в городском, либо в сельском мире. Как самостоятельного пространства его нет ни в настоящем, ни даже в будущем, описываемом через призму проекта агломерации. Признакам нового характера развития пригородных поселений контекстуально придаются негативные коннотации как проявления преодолеваемого кризиса. Тем самым субурбанизационный тренд в региональном развитии представляется как нечто временное, как незначительная девиация, коррекция которой связывается с перспективной деятельностью власти.

Несостоявшаяся агломерация и «городские» поселки: пригород в газетах 2012 г.

К 2012 г. освоение горожанами пригородов Иркутска приобрело столь серьезные масштабы, что появление пригородных сюжетов на страницах региональной прессы должно было стать неизбежным. Во всяком случае, расширение жилищного строительства вблизи города не могло остаться незамеченным в печатных медиа и должно было отразиться, по крайней мере, в росте числа публикаций по этой проблеме.

Однако анализ материалов газет за указанный год показал, что количество текстов, так или иначе связанных с пригородной тематикой, не только не выросло, но и напротив – заметно уменьшилось. В номерах «СМ Номер один» за 2012 г. удалось обнаружить лишь 12 публикаций, в которых, так или иначе, появляются элементы пригородного пространства. Среди публикаций «Восточно-Сибирской правды» за этот же год обнаружено 14 соответствующих материалов.

Сокращение числа таких публикаций отчасти может быть объяснено уходом из общественного и медийного дискурса темы агломерации. Ее исчезновение компенсируется появлением в прессе темы пригородных поселков, застраиваемых крупнейшими региональными строительными компаниями. Широкий спектр проблем (от качества строительства до обеспечения транспортной и иной инфраструктурой) может дать вполне достаточную почву для газетных публикаций разного жанра. Однако сколько-нибудь заметного интереса к проблеме развития пригородов это не добавляет: немногочисленные публикации на эту тему не сопоставимы с массивом «агломерационных» текстов 2007 г.

Как и в 2007 г., понятия «пригород» в текстах 2012 г. фактически нет. Описание пригородного пространства в текстах этого времени по-прежнему ведется в русле «крестьянской жизни» типично сельского района. Отсутствие ярких политических процессов, позволяющих прямо постулировать сельский характер пространства, обуславливает контекстуальное включение в него населенных пунктов пригорода. Реализуется это через описание крестьянских будней, повседневности таких поселений. Примером может служить репортаж о посещении губернатором области Д. Мезенцевым села Хомутово (одного из наиболее быстро растущих пригородных поселений) под говорящим названием «Как губернатор провел субботние будни» [37]. Визит руководителя региона освещается словами и речевыми оборотами, отчетливо отсылающими к лексике «Сельской нови» и «Сельского часа»: «коровник», «молочный цех», «качество молока», «сколько надаивается в день», «поддержка сельского хозяйства» и т. п. Материал сопровождается соответствующим видеорядом, включающим, например, фотографии губернатора на фоне теленка в интерьере коровника.

Освещение губернаторского визита, имеющее цель показать заботу руководителя о «крестьянстве» и демонстрирующее «поддержку сельхозпроизводителя», подспудно, фоном транслирует образ пригородного поселения как неотъемлемой части сельского мира. Ни один сюжет о новых явлениях в жизни села или речевой оборот, выпадающий из законченного образа сельского поселения, в тексте не присутствует. Репортаж построен таким образом, что может быть применен практически к любому сельскому поселению Иркутского, да и любого другого сельского района области.

Вписывание пригорода в сельское, мало освоенное пространство продолжается на страницах газеты и в иных публикациях, уже не связанных с сельской повседневностью. Репортаж о росте стихийных свалок бытовых отходов, представляющих серьезную проблему именно для пригородной зоны, одной фразой рисует это пространство как глухомань, оторванную от мира, с немногочисленными жителями и редкими отдыхающими на лоне природы: «Городскому полигону твердых бытовых отходов горожане предпочитают окраины – *укромные, скрытые от глаз территории*» (Курсив наш. – Авторы) [36]. Примечательно, что в тексте вместе с приписыванием пригороду характеристик оторванного от цивилизованного мира уголка природы появляется тенденция включения пригорода и в пространство города: описание «поселка

Черемушки, что недалеко от Иркутска» сменяется «окраинами» [36], т. е. периферийной, но частью города.

Дискурсивное включение пригорода в городское пространство особенно заметным становится в ряде публикаций, посвященных реализации крупных строительных проектов на территории сельских поселений, непосредственно граничащих с городом. Описание таких проектов ведется либо через призму некачественного строительства, либо в фокусе перспективного развития городских территорий. Нередко и заголовок статьи, и весь ее текст выстроен таким образом, что складывается впечатление повествования о городском микрорайоне, а отнесение к внегородскому пространству дается лишь двумя-тремя словами. Так, материал, посвященный некачественному строительству в п. Березовый (Марковское муниципальное образование Иркутского района, примыкающее к городу с юга) публикуется под заголовком «В Иркутске разваливается микрорайон» [35]. Краткий заголовок отчетливо отсылает читателя к городскому пространству через поименование города и использование названия типично городского объекта. С первых же строк и жители описываемого поселка относятся к городскому сообществу: «Жители поселка-новостройки удручены нынешней погодой больше, чем кто-либо другой в Иркутске».

Аналогично происходит дискурсивное включение части пригородных территорий в городское пространство и в других подобных публикациях. Посещение губернатором С. Ерошенко строящегося п. Луговое подается в ряду его визитов на городские объекты. В тексте лишь коротко упоминается, что территория поселка «относится» к Иркутскому району [38]. В публикации «Комсомольской правды» о том же Луговом журналист и вовсе называет его то «микрорайоном», то «поселком», то «целым районом». «К слову сказано, расстояние от Лугового до “большой земли” по нашим меркам небольшое – всего 600 метров. Поэтому у жителей вполне справедливая просьба – рассмотреть возможность административного присоединения поселка Луговое к территории Иркутска. Жилой комплекс формально относится к поселку Маркова Иркутского района» [13]. Материал о планах застройки микрорайона в Дзержинском муниципальном образовании (граничащим с городом с востока) включается в городское пространство как через вынесение в заголовок статьи типично городской проблемы («Обманутым дольщикам помогут»), так и через демонстрацию территориальной близости микрорайона: «У территории отличное месторасположение, от центра города его отделяет 15 минут езды» [45].

Таким образом, пригород появляется на страницах газет лишь там, где речь идет о крупных проектах комплексной застройки и сразу же дискурсивно вписывается в пространство города. Примечательно, что большая часть таких публикаций имеет заметную негативную окраску, контекстуально придавая пригородному пространству негативные коннотации. Как следствие, речь фактически идет не о пригороде, о а неблагополучных районах новостроек на городских окраинах. Пригорода как особого пространства здесь нет.

Негативу таких публикаций противопоставляется будущее развитие пригородных территорий через плановую застройку крупными поселками. В нескольких текстах перспективное развитие неосвоенных территорий увязы-

вается с крупными инвестиционными проектами в наиболее привлекательных районах пригорода. Заголовки формируют позитивную окраску подобных проектов («Территория больших надежд» [3], «Освоение пригорода» [4], «Полмиллиона квадратов для 15 тыс. человек» [14]), однако подобный позитив в основной части текста предстает скорее будущим, реалистичность которого пока не подтверждена («иркутские застройщики считают проект сомнительным», «для мощного старта малоэтажного строительства ничего не подготовлено»).

Близко к тематике «микрорайонов» примыкают публикации о строительстве пригородных коттеджных поселков. Они, как и описанные выше микрорайоны, противопоставляются существующим «хаотичным дачным поселкам» [3]. Материалы, посвященные «централизованному коттеджному поселкам», выходят под заголовками, отсылающими к идеалистическому образу уютного, экологически чистого уголка: «Пригород с оглядкой на экологию», «Тихий загород» [3]. Такие тексты имеют отчетливую рекламную окраску через подзаголовки и речевые обороты («жизнь за городом того стоит», «просто небо и земля», «преимущества загородной жизни») и персонификацию оценочных суждений («иркутянка Карина», «мама троих детей и успешная бизнес-леди Надежда», «молодожены Маргарита и Виталий»). Последнее, однако, не включает жителей таких поселков в более широкую группу «населения пригорода». Позиционирование коттеджных поселков как предложения для «ограниченного круга своих покупателей» в сочетании с высокими ценами («от 25 млн руб.»), скорее, связывает такие поселения с «новорусскими коттеджами», выступавшими в 1990-е элементом престижного потребления [47, с. 219]. В силу своей элитарности такие поселения не вписывались в пригородное пространство, а скорее исключались из него [7, с. 437], как исключенными из нового пригородного пространства остаются и застраиваемые коттеджные поселки.

Населения же пригородной зоны как более общей группы в публикациях 2012 г. так и не появляется. Описывая населенные пункты в ключе «сельского района», газета ведет речь о «сеянах», «колхозниках», «фермерах», в которых невозможно угадать вчерашних жителей города, переехавших в пригородные поселения и отнюдь не перенявших сельский образ жизни. Жители строящихся пригородных поселков, о которых шла речь выше, предстают на страницах газеты лишь в образе жертвы, либо неудачно вложивших собственные средства, либо, чаще, оказавшихся жителями поселка в силу не зависящих от них обстоятельств: по различным программам предоставления жилья для разных категорий нуждающихся – от ветеранов войны до военнослужащих.

Единственное прямое упоминание о горожанах, выехавших на жительство в пригород, появляется в интервью с мэром Иркутска В. Кондрашовым. Отвечая на вопрос об отношении к возможности присоединения к городу пригородных микрорайонов, мэр, фактически, противопоставляет высокое качество жизни в городе условиям жизни в пригороде: «Люди по разным причинам выбрали для себя жизнь за городом. <...> На мой взгляд, в такой ситуации надо чем-то поступиться: или жить за городом, или думать о хорошей школе» [42].

Эта публикация примечательна и тем, что в ней появляется одно из первых упоминаний жителей пригорода как более или менее очерченной группы («люди, выбравшие жизнь за городом»), и тем, что эта группа противопоставлена городскому сообществу. В результате конструируется неявный оксюморон: физическое пространство пригорода (микрорайоны) вписывается в город, тогда как его социальное пространство противопоставляется городскому.

Важно и то, что исключение пригородного социального пространства происходит через негативную коннотацию (либо пригород, либо *хорошие* школы). В сочетании с негативной окраской материалов о застройке загородных микрорайонов такая коннотация формирует полный образ пригорода как неблагополучной территории, даже несколько девиантного пространства. Мириться с его существованием – лишь вынужденная мера, поскольку для города – это чужая проблема, а для региона – необходимость выполнять волю вышестоящих органов. Комментируя вопрос выделения участков под индивидуальное жилищное строительство «в нескольких поселках вокруг Иркутска», губернатор С. Ерошенко прямо отсылает к воле руководства страны: «Это, конечно, нагрузка на бюджет, поскольку мы обязаны обеспечить инфраструктурой. Но *мы должны* выполнить указ президента» [42]. Категории долженствования, подчиненности чужим решениям указывают на отсутствие собственного интереса и видения каких-либо перспектив в этой сфере.

Позиция официальных лиц региона по вопросам пригорода, изредка появляющаяся на страницах частных газет, практически не присутствует в официальных изданиях. Если эпизодически появляющиеся на страницах частных газет Иркутска элементы пригородного пространства указывают на существование между городом и селом некоего «третьего мира», то в материалах официальных печатных СМИ пригорода в том или ином виде нет. В изученных 46 номерах газеты «Иркутск» за 2012 г. нет ни одного упоминания о пригородных территориях. В 146 номерах «Областной» за 2012 г. выявлено лишь 8 текстов, в которых, так или иначе, затрагиваются объекты и процессы, имеющие отношение к пригородной зоне. Собственно же о пригороде, проблемах его развития как особой территории, формирующемся в этом пространстве сообществе не упоминается ни разу.

Лейтмотивом описания населенных пунктов пригорода в «Областной» проходит описание их как типично сельского пространства, нередко фактически дублируя материалы частных газет. Так, рабочая поездка губернатора области Д. Мезенцева в село Хомутово описывается в той же тональности («встреча с тружениками села») и теми же словами («надои», «поголовье скота», «поддержка сельского хозяйства») [29], что и в «СМ Номер один» и «Восточно-Сибирской правде». Совпадает и содержание видеоряда – «губернатор на фоне оборудования фермы». В материале нет ни одного упоминания о специфике развития этого села, являющегося одним из основных мест расселения горожан, перебирающихся на постоянное жительство в район.

Кульминацией формирования образа сельской территории в публикациях «Областной» в 2012 г. стала статья, посвященная семидесятипятилетию Иркутского района [33]. Описание района делается исключительно через характери-

стики аграрной, крестьянской территории: «24 сельхозпредприятия», «200 крестьянско-фермерских хозяйств», «более 17 тыс. личных подсобных хозяйств». Как содержание, так и безусловно положительная коннотация (достижение, даже лидерство) этих характеристик, венчающиеся формулировкой ключевой функции территории: «Район называют житницей Приангарья», не оставляют ни малейшей возможности для включения в юбилейный образ района каких-либо иных признаков. Читатель видит исключительно сельское пространство, не имеющее даже предпосылок для иных векторов развития.

Иные упоминания пригородных объектов в «Областной» носят единичный характер и никак не связываются с их развитием. В материале, посвященном инспекционной поездке губернатора С. Ерошенко в застраиваемый поселок Луговое (Марковское муниципальное образование Иркутского района), загородное расположение этого объекта даже не упоминается [30]. Для стороннего читателя в тексте, фактически, речь идет об одном из городских объектов. Строительство подстанции скорой помощи в поселке Марково (5 км от административной черты Иркутска) показывается в ключе обеспечения сельских жителей медицинскими услугами [22], проблема строительства полигона ТБО (взамен «стихийной свалки») подается как вопрос городского развития и частный инвестиционный проект [25].

Иными словами, в дискурсе официальных печатных СМИ Иркутска пригорода не существует. Его нет ни в качестве проблемы (например, повышенное энергопотребление, недостаток инфраструктуры, застройка земель сельскохозяйственного назначения), ни как перспективного направления развития. Здесь фактически континуальное село-городское пространство реконструируется в оппозиционную дихотомию города и села, не допускающую каких-либо переходных зон. Как и частные печатные СМИ, официальные издания либо вписывают пригородные объекты в город или сельскую территорию, либо игнорируют их, как и само пригородное пространство и формирующееся в нем сообщество.

* * *

Интенсивно формирующееся пространство пригорода, быстрый рост его населения, численность которого уже превышает число жителей большинства иных сельских муниципальных районов области, объективно не совпадает ни с системой административно-территориального деления, ни со структурой управленческих органов, ни с практикой административного управления. Характер развития нового пригородного пространства Иркутска начинает все более противоречить и организации физического пространства (территории), и *представлениям* о том, чем является это пространство и каким оно должно быть. Следствием нарастающего противоречия становятся два взаимосвязанных процесса, которые, на наш взгляд, фиксируются в дискурсе региональных газет.

Прежде всего, хорошо заметно, как новое пространство дискурсивно вписывается в привычную дихотомию «город – село». Здесь, с одной стороны, большая часть пригородных поселений помещается в традиционный аграрный («крестьянский») контекст, растворяется в нем через описание языком советских сельских газет с помощью соответствующих лексем. При та-

ком взгляде редкие упоминания новаций, помещаемые, как правило, в негативный (часто – криминальный) контекст, становятся малозначимыми деталями, признаками временных девиаций. С другой стороны, масштабные (для региона) строительные проекты, реализуемые в пригороде крупным строительным бизнесом, описываются языком города, контекстуально включаются в городское пространство.

Вторым процессом становится дискурсивное конструирование пригорода, который «должен быть», желаемого образа этого пространства, в противовес реально складывающемуся. В газетных материалах идеальный пригород предстает сочетанием «регулярных коттеджных поселков» и «микрорайонов малоэтажной застройки», среди которых нет места «хаосу» индивидуальной застройки. Едва ли не лучшей иллюстрацией этого тезиса служит карта-схема на врезке в статье «В Приангарье нашли альтернативу высоткам», где в качестве пригорода обозначены лишь строящиеся и перспективные коттеджные и малоэтажные поселки, а обширных жилых массивов, застроенных частным образом, попросту нет [1].

В последнем процессе важна и временная составляющая: большая часть упоминаемых в текстах объектов «идеального» пригорода – пока еще только планы либо проекты на первых стадиях реализации. Даже те «микрорайоны», которые визуально практически закончены, все еще остаются слабо освоенным, часто – нежилым пространством, далеким от конструируемого образа. Тем самым появление «идеального пригорода» относится к будущему, исключая его существование в настоящем. Сегодня же пригорода в дискурсе региональных печатных СМИ нет.

На наш взгляд, этот парадокс является реакцией местных сообществ и власти на трансформацию привычной границы физического и социального пространства города и села, утратой ею преимущественно барьерной функции, превращением в контактное пространство. Исчезновение оппозиции «Город versus Село» повлекло за собой быструю и зачастую болезненную трансформацию комплекса практик как в городском, так и в сельском сообществах, как в повседневности обывателей, так и в рутинных управленческих практиках власти. Невозможность сохранения status quo в физическом пространстве (хотя бы потому, что *формально* изменений в последнем не происходит) выталкивает реакцию сообщества в дискурсивное пространство, в том числе – региональные СМИ. В результате именно здесь происходит (ре)конструирование линейной границы между городом и селом, реализуются попытки сохранения/восстановления ее барьерности если не в физическом, то в социальном пространстве, придания ей свойств, исключающих появление новых сообществ, не вписанных в привычную систему отношений Города и Села.

1. АиФ в Восточной Сибири. – 2012. – 14 июля (№ 24).

2. Вост.-Сиб. правда. – 2007. – 20 окт. (№ 25687).

3. Вост.-Сиб. правда. – 2012. – 14 июня (№ 26559).

4. Вост.-Сиб. правда. – 2012. – 24 мая (№ 26550).

5. Григоричев К. Местные сообщества и местная власть в неинституализированном пространстве: случай пригородов Иркутска // Полития. – 2013. – № 1. – С. 143–155.

6. Григоричев К. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI века / К. В. Григоричев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012 – № 2(9), ч. 2. – С. 44–51.
7. Григоричев К. В. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поисках теоретических инструментов анализа // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск, 2012. – С. 422–446.
8. Григоричев К. В. Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации // Изв. Алтайского гос. ун-та. Сер. История. Политология. – 2011. – Вып. 4/1 (72/1). – С. 53–59.
9. Иркутск. – 2007. – 22 окт. (№ 39).
10. Ковальская М. Н. Бизнес по-китайски: трудовая деятельность китайских мигрантов на страницах иркутских газет // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск, 2010. – С. 263–281.
11. Комсомольская правда. – 2007. – 31 янв. (№ 14).
12. Комсомольская правда. – 2007. – 9 февр. (№ 18).
13. Комсомольская правда. – 2012. – 29 нояб. (№ 180Д).
14. Комсомольская правда. – 2012. – 14 дек. (№ 188).
15. Комсомольская правда. – 2007. – 29 янв. (№ 13).
16. Комсомольская правда. – 2007. – 2 февр. (№ 15).
17. Комсомольская правда. – 2007. – 19 февр. (№ 24).
18. Комсомольская правда. – 2007. – 24 янв. (№ 10).
19. Медиалогия. Сайт компании [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mlg.ru/ratings/regional_media/2293/7/2012/0/
20. Методика составления рейтингов [Электронный ресурс] // Сайт информ.-аналит. системы «Медиалогия». – URL: http://www.mlg.ru/ratings/methodology_media/
21. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа / Т. Г. Нефедова. – М. : ЛЕОНАНД, 2013. – 456 с.
22. Областная. – 2012. – 12 дек. (№ 139).
23. Областная. – 2007. – 12 февр. (№ 14).
24. Областная. – 2007. – 16 февр. (№ 16).
25. Областная. – 2012. – 17 февр. (№ 17).
26. Областная. – 2007. – 28 февр. (№ 20).
27. Областная. – 2007. – 7 марта (№ 23).
28. Областная. – 2007. – 4 апр. (№ 35).
29. Областная. – 2012. – 18 янв. (№ 4).
30. Областная. – 2012. – 6 июня (№ 60).
31. Областная. – 2007. – 2 июля (№ 72).
32. Областная. – 2007. – 13 июля (№ 78).
33. Областная. – 2012. – 29 авг. (№ 95).
34. Областная [Электронный ресурс] : обществ.-полит. газ. : офиц. сайт. – URL: <http://www.ogirk.ru/node/49>.
35. СМ номер один. – 2007. – 26 апр. (№ 16).
36. СМ номер один. – 2012. – 10 мая (№ 18).
37. СМ номер один. – 2012. – 19 янв. (№ 2).
38. СМ номер один. – 2012. – 7 июля (№ 22).
39. СМ номер один. – 2007. – 28 июля (№ 25).
40. СМ номер один. – 2007. – 25 янв. (№ 3).
41. СМ номер один. – 2007. – 4 окт. (№ 39).
42. СМ номер один. – 2012. – 27 дек. (№ 51).

43. СМ номер один. – 2007. – 15 февр. (№ 6).
 44. СМ номер один. – 2007. – 25 янв. (№ 3).
 45. СМ номер один. – 2012. – 21 июня (№ 24).
 46. Фонд регионального развития Иркутской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.frgio.ru/project/?23>.
 47. Хэмфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки) / К. Хэмфри. – М. : Наталис, 2010. – 384 с.
 48. Численность постоянного населения Иркутской области по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/statistics/population/
 49. Taylor Nelson Sofres. A Kantar Group Company [Electronic resource]. – URL: <http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/press/index.wbp?press.action=search&press.regionId=1EB4B029-E38C-48D3-8C4F-E197D32562BD&press.periodId=90FC2616-169B-41B0-90CA-896826B36F59&press.smilId=4264E3EA-8ED8-4B62-B40D-35AA8B4F4C14>.

«Unnamed Does Not Exist»: Suburbia in the Discourse of Regional Media

K. V. Grigoriev, Yu.N. Pinigina

Irkutsk State University, Irkutsk

This article examines the dynamics of the image of suburban space in the Irkutsk agglomeration area in 2007–2012 in the discourse of regional print media. The authors come to the conclusion that the absence of a suburb issue in regional media is a tool for discursive reconstructing of linear boundaries between urban and rural areas, that is vanishing as a result of the new character of the suburb.

Key words: suburbia, image, discourse, newspapers, Irkutsk.

Григоричев Константин Вадимович – кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, 664020, г. Иркутск, ул. Сибирских Партизан, 23–44, тел. 8(3952)521551, e-mail: kvg@isu.ru

Пинигина Юлия Николаевна – специалист деканата исторического факультета Иркутского государственного университета, 664020, Иркутск, ул. Авиастроителей, 28-А/2, кв. 133, тел. 8(3952)243875, e-mail: piniginay@yandex.ru

Grigoriev Konstantin Vadimovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Science-Research Department of the ISU, Head of Laboratory of Historical and Political De-mography, Administrative Director of Irkutsk CASE hosted by the ISU, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, of. 201, phone 8(3952)521551, e-mail: kvg@isu.ru

Pinigina Yulia Nikolaevna – Executive of the Dean's office of the Faculty of History, the Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, Chkalov St., 2, of. 332, phone 8(3952) 243875, e-mail: piniginay@yandex.ru